

В современной исторической науке общепринятым является мнение, что Биармия — это обширная страна, куда скандинавы (викинги, норманны) всегда попадали морским путем, огибая Кольский полуостров, затем пересекали современное Белое море (Гандвик) и попадали в устье Северной Двины (Vinu, Вину — в скандинавских текстах). Об этом свидетельствует так называемый Архангельский клад, обнаруженный в этих краях в 1989 г. и содержащий свыше 2000 западно-европейских серебряных монет.

Этот клад позволил О.В. Овсянникову сделать вывод о том, что в раннее Средневековье здесь существовала северо-восточная часть торгового пути, пролежавшего от берегов Англии через Скандинавию и Белое море до предгорий Полярного Урала, а через Новгородскую Русь — на Восток¹. Потом плыли вверх по этой реке, по берегам которой и проживали биармы. Скандинавские источники располагали эту страну в разных местах — от Кольского полуострова на севере до Приладожья на юге и Прикамья на востоке.

А.А. Куратов отмечал, что каждый древний скандинавский источник сообщал о «своей» Биармии. По его мнению, в IX–XII вв. она постепенно перемещалась с юго-востока на северо-запад — от устья Северной Двины через Карелию на Кольский полуостров². В настоящее время главным противником идеи размещения Биармии на Русском Севере является А.Л. Никитин, который с 1976 г. высказывает свою гипотезу о том, что эта страна располагалась в Прибалтике, в устье Западной Двины.

Однако попытки отождествить биармов с предками карел, коми, вепсов, а также чудью заволочской пока не увенчались успехом. Поэтому большинство исследователей считает, что *биармы*, *бьярмы* — это собирательный образ всего финно-угорского населения Евро-

пейского Севера. Обычно термин *биарм*, *бьярмар* расшифровывается как прибалтийско-финское *permaa*, *perramaa* — задняя земля, окраинная земля. А.А. Куратов считает, что речь идет о северной группе саамов, *лоти* русских летописей, которых финны называли бьярмами. Эти протосаамы занимал в прошлом значительные территории на Европейском Севере, а в XI–XVI вв. постепенно перемещались с востока на запад, пока не дошли до современной Лапландии³.

Дискуссия о Биармии имела отношение к национальному районированию на Европейском Севере в конце 1920 — начале 1930 гг., когда существование этой легендарной страны (местности) в прошлом пытались положить в основу образования автономной области Коми. (Об этом подробнее в гл. 6.) Вновь идеи об Биармии получили широкое распространение среди некоторой части жителей Коми АССР (Республики Коми) в начале 1990 г., когда развернулись бурные дискуссии по национальному вопросу и получению республикой статуса суверенной в составе России.

1.3. Сведения о народах коми в древнерусской литературе

Ряд сведений о жизни предков коми содержат русские летописи⁴. Л.П. Лашук считал, что первое упоминание коми в русских письменных источниках относится к XI в.⁵

³ Куратов А.А. Севернорусская ономастика... С. 195.

⁴ Полное собрание русских летописей. СПб., 1841–1927. Т. 1–24. Более подробно об издании древнерусских исторических материалов см.: Андреев А.И. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР // Финно-угорский сборник. (Труды комиссии по изучению племенного состав населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15). Л., 1928. С. 241–254. Сводку о публикации таких материалов до 1860 г. см.: Кеннен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

⁵ Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. С. 7.

¹ Носов Е.Н. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб., 1997. С. 146–157.

² Куратов А.А. Севернорусская ономастика // Куратов А.А. Археология и история Архангельского Севера. Архангельск. С. 194–195.

Основой для подобного утверждения служит ставшее хрестоматийным описание народностей, входивших в сферу влияния Древнерусского государства, в числе которых упоминается и народ по имени «Пермь». Оно датируется в «Повести временных лет» временем не позднее 1113 г. Следующее упоминание о коми, по данным **В.Н. Татищева**, содержится в «Степенной книге»¹. В этих источниках мы встречаем сведения о расселении коми, о древней языческой религии и т.д.

Но после этого упоминания предки современных коми на некоторое время исчезают из общерусских исторических источников. Это было связано с тем, что вся территория Русского Севера позднее оказалась под юрисдикцией Великого Новгорода. Поэтому сведения о пермянах (коми), их местоположении, древней религии «перетекают» в новгородские летописи и другие источники².

Но наиболее достоверным во всем корпусе ранних русских источников по этнографии коми является «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом», датируемое концом 1390-х — началом 1400-х гг.³ Это произведение древнерусской литературы написано после кончины святителя (Стефан Пермский скончался в 1396 г.) известным церковным писателем **Епифанием Премудрым**.

Биография Епифания не вполне прояснена. Его перу принадлежат несколько житий

¹ Повесть временных лет. Текст и перевод. М., 1950. С. 167–165. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1994.

² См., например, Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9, 11, 12 и т.д.

³ Слово о жизни и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом // Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевым-Безбородко. Вып. IV. СПб., 1862; Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897; Сказание о Стефане Пермском. Свод разнообразных преданий, историй и сведений о жизни и трудах Святителя Стефана, епископа Пермского, волхва Пама низвергнувшего и просветившего Север дикий светом Христовой веры. Сыктывкар, 1992; Последнюю по времени публикацию текста Жития см. в кн. «Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления» / Под. ред. Г.М. Прохорова. СПб., 1995.

древнерусских святых, в том числе и Сергия Радонежского⁴. По словам В.О. Ключевского, «Епифаний — блестящий русский писатель»⁵. По его сведениям, автор «Жития Стефана Пермского» родился в Ростове, где в монастыре святого Григория Богослова принял постриг. Именно здесь он и сошелся близко со Стефаном, будущим героем одного из его произведений. Позднее писатель перешел в Троице-Сергиевский монастырь, где был рукоположен в диаконы. Предполагают, что он мог бывать в Византии, в Святой земле, так как знал греческий язык. Умер Епифаний между 1418–1422 гг.

Блестящую характеристику Епифанию дал Д.С. Лихачев. «Прозванный за свою начитанность и литературное умение “Премудрым”, Епифаний долго путешествовал на Востоке, прекрасно знал греческий, а возможно, и другие языки. Начитанность Епифания, отразившаяся в его сочинениях, поразительна. Епифаний отлично знает произведения современной ему и прошлой церковно-учительной, богословской, житейной и исторической литературы. В составленные им “житиях” обильно включены самые разнообразные сведения: географические названия, имена богословов, исторических лиц, ученых, писателей, а также рассуждения о пользе чтения книг»⁶.

А.В. Чернецов считает Епифания представителем школы древнерусской литературы, возникшей под влиянием южнославянских (болгарских и сербских) образцов⁷. На это, по его мнению, указывают чрезвычайно изощренное изложение и увлечение риториче-

⁴ Биографию Епифания см.: Прохоров Г.М. Епифаний Премудрый; Дробленкова Н.Ф. Библиография литературы о Епифании Премудром // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Л. Ч. 1. С. 211–220.

⁵ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

⁶ Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962. С. 11.

⁷ Чернецов А.В. «Самотворитель новых грамоты» Стефан Пермский // Древнерусская книжность (Творчество и деятельность Стефана Пермского, естественнонаучные и сокровенные знания на Руси). М., 1995. С. 57.

кой, «плетение словес», цепочки эпитетов для описания какого-либо события.

Протограф, написанный рукой Епифания, до нас не дошел, возможно, он еще не обнаружен. К настоящему времени известно более 50 списков «Жития Стефана Пермского» XV–XVIII вв. в составе различных рукописных сборников, Трефологов, Прологов, Миней Четых и т.д. Двадцать из них считаются полными, остальные — с различными вариантами сокращения¹. Недавно И.А. Лушина предприняла попытку сопоставления текстов трех опубликованных наиболее полных списков «Жития»².

«Житие» Стефана является ценнейшим историко-этнографическим источником³. Обычно между смертью подвижника и причислением его к лику святых проходит значительное время, и авторы житий писали о людях, которых никогда не видели, на основе разных воспоминаний и документов. Здесь же иная ситуация, оно было написано сразу, по «горячим следам». Епифаний был лично знаком со Стефаном Пермским и провел значительное время в беседах с этим церковным деятелем, что позволяет относиться к этому источнику с большим доверием⁴.

Остается загадкой, было это житие социальным заказом или личной инициативой автора. А.В. Чернецов считает, что в отличие от «Жития Сергея Радонежского», носящего официальный характер, «Житие Стефана» было создано под влиянием личных чувств, размышлений и оценок, как бы для себя⁵. Я бы

добавил, что это сочинение, направленное в будущее, для потомков. Епифаний стремился зафиксировать интеллектуальный (просветительский) и религиозный (миссионерский) подвиг этого уникального человека.

Деятельность его героя протекала в очень сложный период. Русь начала «поднимать свою голову», на первом месте стояла борьба с Ордой и другие герои (Дмитрий Донской и его окружение, Сергей Радонежский), идеологически связанные с этой борьбой. Однако в летописях не упоминается Стефан Пермский, хотя его деяния имеют большое государственное значение. К Московской Руси без войны, без подкупов и убийств был присоединен громадный край, пушнина, ловчие птицы-соколы и другие богатства⁶. Так что без Епифания Премудрого мы не знали бы очень многого.

«Житие св. Стефана» является ценнейшим источником по истории летописной *Перми* — предков современных коми. Чтобы оценить ее значение, необходимо учитывать, что нам было известно о коми до Епифания. О *Перми, Печоре и Югре* неясные сведения дает историко-географическое введение к «Повести временных лет». Об этой территории как своих данниках говорят новгородские договорные грамоты. Из них можно сделать только один вывод: эти народы проживают один за одним, с запада на восток. Именно с этого сочинения мы вступаем в полосу реальных знаний о народах коми.

Прежде чем рассмотреть «Житие» в качестве исторического источника, остановимся на личности самого Стефана, ибо роль этого святого в становлении коми культуры очень велика. Дата его рождения неизвестна. Л.Н. Смоленцев предлагает считать в качестве таковой 1339 г.⁷ Родился в Великом Устюге в семье клирика местной соборной церкви Пресвятой Богородицы Сименона и его жены Марии. С рождением будущего святого связа-

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половин XIV — XVI в. Л. Вып. 2. Ч. 1. С. 315.

² Лушина И.А. Некоторые проблемы исследования «Жития Стефана Пермского» в качестве исторического источника // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М., 2007. С. 241–254.

³ Власов А.Н., Бунчук Т.Н. Житие Стефана Пермского // Вестник культуры Коми ССР. 1992. № 2. С. 8–11; № 4. С. 8–9.

⁴ Низов В.В. Епифаний Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 190–198.

⁵ Чернецов А.В. «Самотворитель новья грамоты»... С. 56.

⁶ Чернецов А.В. «Самотворитель новья грамоты»... С. 72–74.

⁷ Смоленцев Лев. Святитель Стефан Пермский — 1339–1396 // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 100. Обычно считается, что Стефан родился в 1330–1340 гг.

на легенда о том, что его появление на свет было предсказано устюжским юродивым Прокопием Праведным¹. Отец Стефана был русским, но этническая принадлежность матери до сих пор вызывает споры. Утверждают, что она была зырянкой². И в этом нет ничего удивительного, так как западные границы расселения предков коми (пермян) охватывали в XI–XIV вв. бассейны рек Юга, Сухоны, Устья и верховьев Северной Двины³.

Отец надеялся, что сын, как было принято в духовной среде, унаследует его чин и место. Но для этого надо было быть грамотным. Поэтому его рано начали учить грамоте, в чем он значительно преуспел. Он прислуживал своему отцу, читая каноны и молитвы в храме. В то же время Стефан принимает решение постричься в монахи и продолжить образование. Для этого юноша отправляется в Ростов Великий, епархиальный центр, славившийся своей ученостью. Это произошло около 1365 (или 1366) года, когда Стефану было 20–25 лет.

Местом дальнейшего служения он избрал монастырь святого Григория Богослова, выполнявший в какой-то степени функции учебного заведения и славившийся своей библиотекой. Иногда его еще называли «Братский затвор». Здесь Стефан принял монашество.

В этом месте его биографии возникает неясность. По церковным правилам, он должен был обязательно сменить при постриже-

нии свое имя, но почему-то это сделано не было. Таким образом, сегодня сложно определить его настоящее имя, и этот момент требует пристального рассмотрения будущими исследователями его жизни. На это впервые обратил внимание Г.М. Прохоров, предположив, что он, возможно, сменил своего святого покровителя⁴. Хотя об этом отступлении от церковных правил должен был написать *Епифаний*. Возможно, у него было совершенно иное имя, и Стефаном он стал уже в Ростове Великом.

Товарищем Стефана в «братском затворе» оказался его будущий агиограф. Они подружались и сохраняли дружеское расположение друг к другу всю свою жизнь. Здесь они в дискуссиях изучали Святое Писание, труды отцов церкви, языки, учились переписывать книги. И именно здесь, по словам Епифания, Стефан «сам выучился пермьскому языку» и «грамоту нову, пермьску сложи».

Изобретение оригинальной, новой письменности (азбуки) для какого-либо языка — событие редкое в мировой истории. До Стефана был период, когда азбуки изобретали. Это происходило во время распространения христианства с его книжной культурой за пределами Римской империи. Чаще всего для проповеди Священного Писания использовали греческий или латинский языки, но иногда письменность все же приходилось изобретать.

Наивысшим типом миссионерского письменотворчества было создание азбук, полностью соответствующих фонетике речи того народа, среди которого велось распространение христианства. И, как казалось, эта эпоха христианского азбуко- и литературотворчества закончилась созданием славянской письменности⁵. Но нашелся еще один человек, который решил повторить подвиг Кирилла и Мефодия. Им и стал Стефан, который около 1372 или 1375 г. в Ростове Великом создает

¹ Житие Прокопия Устюжского. СПб., 1893; Белоброва О.А., Власов А.Н. Житие Прокопия Устюжского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. А–К. Л., 1988. С. 322–324; Власов А.Н. К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 144–159; Власов А.Н., Рыжова Е.А. Краткая повесть о житии Прокопия Устюжского // Устные и письменные традиции в духовной культуре народов Севера. Сыктывкар, 1989. С. 107–120.

² Макарий. Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856. С. 36; Прохоров Г.М. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления / Под ред. Г.М. Прохорова. СПб., 1995. С. 5–6

³ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 32.

⁴ Прохоров Г.М. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф... С. 9.

⁵ Прохоров Г.М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. ИРЛИ. СПб., 1992. Т. 45. С. 178–199; Он же. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф... С. 12–14.

древнекоми (древнепермскую) азбуку, которая иногда еще называется *абур* или *анбур*.

До сих пор не решен вопрос, на основе какой графики она была создана¹. Ибо в ядре стефановской письменности, кроме греческой и славянской графики, явно лежит что-то другое. Одни, как В.И. Лыткин, усматривают здесь иранское влияние². Г. Стипа сравнивал алфавит коми с алфавитами древних семитохамитских языков³. А.И. Туркин возводил *анбур* к финикийскому алфавиту⁴.

В последние годы В.В. Понарядов выдвинул гипотезу о связи стефановской азбуки с древнетюркской рунической письменностью⁵. Однако, как нам известно, впервые о подобном сходстве написал *А.Н. Грен*⁶. Он сравнивал наличие у коми деревянных календарей с иероглифическими знаками с подобными предметами у шведов и финнов, которые имеют близкую к стефановской письменности руническую графику. Основанием для этого вывода у А.Н. Грена послужило сравнение хранящихся в музеях Санкт-Петербурга образцов коми-зырянских, финских и шведских деревянных календарей. Часто их

¹ Королев К.С., Савельева Э.А. К проблеме происхождения коми письменности // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 24–29; Ляшев В.А. К истокам стефановского наследия // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 6–10; Понарядов В.В. Загадки древнепермской письменности // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 124–128.

² Лыткин В.И. Древнепермский язык. М., 1952.

³ Stipa G. Der Ursprung der permischen Sprachen // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft Bd. 110. H. 2. Neue Folge. Bd. 35. Wiesbaden, 1961.

⁴ Туркин А.И. Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 2: Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996. С. 278–283.

⁵ Понарядов В. В. О возможной связи стефановской письменности с древнетюркской руникой // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 2: Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996. С. 238–242; Он же. Загадки древнепермской письменности... С. 124–128.

⁶ Грен А.Н. Зырянская (коми) литература // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. III. С. 80.

происхождение связывают с употребляемым коми еще в первой половине XX в. родовым знаком *мпас*.

Как мы видим, все теории гипотетичны. Едва ли Стефан мог читать о финикийской и древнетюркской письменности, а также видеть подобную графику. Тем не менее письменность была создана. Причем она до настоящего времени остается единственной оригинальной национальной графикой среди финно-угорских народов.

Возникает вопрос о том, для чего она была создана. На это Епифаний отвечает: «*И перевел на пермский язык русские книги, — переложил и переписал*». А начав проповедь в Перми, стал учить людей «*пермской грамоте, которую перед этим впервые сложил. И всем новокрещенным — мужам, и юношам, и молодым отрокам, и малым детям — повелел он изучать грамоту*». До сих пор остается загадкой, сколько книг и что именно было переведено на древнекоми (древнепермский) язык.

Известно всего 236 слов на основе стефановской графики, которые говорят о былом разнообразии и богатстве древнекоми литературного языка⁷. Небольшой лексический состав не позволяет соглашаться с мнением, высказанным Е.А. Цыпановым, что Стефан ввел древнекоми язык и в переписку и управление, ибо они говорят только в пользу переводов религиозных, в первую очередь богослужебных текстов⁸. Этот вопрос окончательно возможно разрешить только с привлечением новых текстов.

Действительно, уже в XVI в. начинается постепенное вытеснение из богослужения древнекоми языка церковно-славянским и древнерусским в административно-управленческом делопроизводстве. Язык коми сохраняется в традиционно-бытовой сфере и фольклоре. И здесь можно согласиться

⁷ Лыткин В.И. Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 2. С. 15–16.

⁸ Цыпанов Е.А. Коми язык как государственный: мечта и реальность? // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 5.

с мнением венгерского лингвиста К. Редей, который прямо заявлял, что *«последовательная утрата древнезырянского литературного языка после XVI в. обычно объясняется тем, что русскоязычный клир этого периода уже не понимал этих текстов. Частично это так, но также надо считаться и с сознательным уничтожением литургии на древнезырянском языке. Из истории православной церкви мы знаем, что после падения Константинополя (1453) русская власть, стремившаяся к централизации, и Русская православная церковь провозгласили Москву Третьим Римом. Начиная с XVI в. московская церковь принимает однозначно русский национальный характер. Последовательное искоренение из церковной практики других языков, кроме русского, связано с этим коренным поворотом, а также с экспансией Русского государства. Работы по истории церкви не упоминают о мероприятиях, связанных с языком (языками), но этот *argumentum ex silentio* (т.е. аргумент замалчивания) доказывает, что вытеснение малых языков не считалось достойным упоминания деяния в истории Русской православной церкви»*¹.

Впрочем, факты говорят именно об этом. Например, епархиальный центр в это время был переведен из Усть-Выми в Вологду. А впоследствии, как считает Г.М. Прохоров, *«эти книги отбирали и уничтожали, а тех, кто укрывал, преследовали, как это бывало со славянскими книгами в Болгарии, когда она оказалась под властью Константинопольского патриарха»*².

Второе важное дело Стефана, благодаря чему он попал в русскую историю, — это христианизация древних коми и присоединение Пермского края к великому княжеству Московскому. Его миссионерская деятельность началась в 1379 г. на *«Пыросе и Виледи, где он крестил “нечестивые племена пермян”*». Уже в 1380 г. в Усть-Выми, в то время центре Зем-

ли Пермской, на месте срубленной священной березы он ставит первую деревянную церковь Благовещения. К 1382 г. значительная часть Перми была крещена, несмотря на противодействие местной родовой знати, объединенной вокруг волхва Пама. Этот период красочно описан Епифанием в *«Житии»*.

В этом же году Стефан едет в Москву, к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому и митрополиту Пимену с просьбой назначить в этот край епископа. И в 1383 г. он избирается епископом Пермским. Кроме того, Дмитрий Донской пожаловал ему часть своих доходов с Перми, право беспошлинной торговли в русских землях, сбор пошлин с проезжающих купцов, судебные пошлины. Т.е. Стефан был наделен и светскими функциями, став, таким образом, полномочным представителем Москвы в этом регионе. Это означало, что территория современной Республики Коми фактически была присоединена к Московской Руси.

И вся дальнейшая деятельность Стефана — это совмещение духовной и государственной деятельности. Он не только продолжал крестить местных жителей, строить храмы, переводить книги, но и защищал их от набегов вогул (манси), новгородских ушкуйников, вятских дружин, снабжал хлебом и т.д. Например, в 1386 г. он едет в Новгород со сложной дипломатической миссией — добиться прекращения набегов новгородцев. Положение было достаточно щекотливым: Новгород Великий считал весь Европейский Север своей «отчиной» и привык к тому, что пушнина, главное богатство этих районов, поставлялась в основном в город на Волхове. Новгород был вне пределов юрисдикции Великого князя Московского. Но Стефану удалось благополучно разрешить эту дилемму, *«поклонившись владыке и боярам новгородским <...> с милостью и дарами»*, добившись признания перехода Коми края под юрисдикцию Москвы.

Он умер в 1396 г. в Москве, куда был вызван митрополитом Киприаном для решения церковных дел, и был похоронен в кремлевской монастырской церкви Спаса Преображе-

¹ Редей К. Влияние церковнославянского языка... С. 45.

² Прохоров Г.М. Равноапостольный Стефан Пермский... С. 14–15.

ния на Бору, бывшей в то время великокняжеской усыпальницей. К сожалению, в связи с работами в Кремле в 1930 г. Спас на Бору был снесен, и сегодня место захоронения Стефана неизвестно.

В 1549 г. Стефан Пермский был канонизирован и включен в состав общерусского пантеона. И этим общецерковным актом была вновь отмечена заслуга святителя в процессе объединения русских земель вокруг Москвы¹.

Можно отметить два периода, когда «Житие» и деятельность Стефана особенно привлекали внимание ученых. Первый период пришелся на вторую половину XIX в., когда отмечалось 500-летие присоединения Коми края к Московскому государству и деятельности Стефана Пермского. Тогда дискуссия началась книгой профессора Казанского университета *П.Д. Шестакова*. В ней принял активно участие *Г.С. Лыткин*, опубликовавший ряд работ по этому вопросу. Итог подвел А.В. Красов². Всего за это время вышло 52 публикации, авторы которых так или иначе касались данной темы.

Второй период — 1993–1996 гг., когда отмечалось 600-летие со дня кончины святителя Стефана. В 1996 г. в Сыктывкаре была проведена конференция «Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры». Несмотря на прошедшие сто лет, круг обсуждаемых проблем не изменился: место и роль Стефана Пермского в истории Русской православной церкви, истории Коми края, становлении коми письменности и культуры³.

¹ *Хорошев А.С.* Политическая история русской колонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 171. 174.

² *Шестаков П.Д.* Святой Стефан, первосвятитель Пермский // Ученые записки Казанского университета. 1868. Т. IV. С. 21–110; *Лыткин Г.С.* Пятисотлетие Зырянского края // ЖМНП. 1883. № 12. С. 275–326; *Он же.* Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1880; *Красов А.С.* Зыряне и просветитель их святой Стефан, первый епископ Пермский и Устьвымский. СПб., 1896; *Лебедев А.* Святой Стефан, первый епископ Пермский. 1396–1896 // Вологодские ЕВ. 1896. № 5. С. 67–77; № 6. С. 85–106.

³ Деятельность Стефана Пермского неоднократно привлекала внимание исследователей, основную сводку публикаций на эту тему см.: *Табаленкова И.Н.*

В оценке его деятельности можно выделить несколько моментов.

Наиболее распространенным является мнение о том, что он — «москвитянин по духу деятельности в собирании Руси», и в этом смысле он государственный чиновник, который провел христианизацию Перми с целью присоединения его к Московскому государству. Наиболее ярко до революции эту тенденцию обосновал *Г.С. Лыткин*⁴. Такого мнения придерживались и многие историки советского времени, например *Н.И. Ульянов*, *В.Н. Подоров*, Ю.В. Гагарин, Э.А. Савельева, А.Н. Власов⁵.

Противоположное мнение заключается в трактовке деятельности Стефана Пермского как уничтожения подлинно национальной, пусть и языческой в своей основе, культуры, абсолютно чуждой христианству. В 1920-е гг. его впервые высказал *И.Н. Мошегов*⁶. Подобное толкование деятельности Стефана характерно для некоторой части современной коми интеллигенции, в частности для М.Д. Игнатова.

Библиографический указатель изданий, посвященных Стефану Пермскому // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы. К 600-летию со дня представления Стефана Пермского. Сыктывкар, 1996. С. 121–151; *Терюков А.И.* Празднование 500-летия со дня блаженной кончины св. Стефана, епископа Пермского в 1896 г. Приложение 1. Опыт библиографии о деятельности Стефана Пермского // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 23–25; *Лимеров П.* Явление св. Стефана: рука Москвы или подвиг духа? // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 111–123.

⁴ *Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах пермских... СПб. 1880. С. 4.

⁵ *Ульянов Н.И.* Очерки истории народа Коми. М.; Л., 1932; *Подоров В.Н.* Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1933. Т. 1. С. 96 и сл.; *Гагарин Ю.В.* История религии и атеизма народа коми. М., 1979. С. 43 и сл.; *Савельева Э.А.* Европейский Северо-Восток накануне христианизации // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 16–26; *Власов А.Н.* Миссия Русской православной церкви в Пермском крае // История Пермской епархии в памятниках письменной и устной прозы. Сыктывкар, 1996. С. 4–59.

⁶ *Мошегов И.Н.* Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом // Коми му. 1926. № 4; *Он же.* Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми // Коми му. 1927. № 4–5, 6–7.

В одной из своих работ он прямо заявил, что *«не будет большого преувеличения и натяжки, если скажем, что первый наместник московских князей в Коми крае, Стефан Хран, прозванный Пермским и канонизированный православной церковью как святой, своей агрессивно-насильственной миссионерской деятельностью причинил чудовищный и непоправимый урон самобытной, подлинно национальной языческой культуре коми народа и благополучию Коми края вообще»*¹.

Другим достаточно распространенным мнением является рассмотрение его деятельности только как подвига духа, подвига православного миссионера, направившегося в глухие дебри Севера, чтобы донести до язычников Святое Писание. Его поддерживали в прошлом А.В. Красов и *Е. Попов*, которые занимались историей христианизации Русского Севера². В настоящее время эту точку зрения разделяют сыктывкарский писатель Л.Н. Смоленцев, а также Н.Н. Петренко³.

Но как бы ни оценивалась деятельность этого исторического лица, мы должны признать ее неординарность. Можно согласиться с Е.А. Цыпановым в том, что, несмотря на то что о нем написано достаточно много, *«эта ключевая фигура в средневековой коми истории до сих пор остается большой загадкой»*⁴.

«Житие», кроме сведений о личности самого Стефана, содержит важнейшие материалы этнографического и историко-культурного характера о жителях Перми Вычегодской, предках современных коми. Так как сам ис-

точник связан со специфической миссионерской деятельностью просветителя, в нем достаточно подробно описаны языческие верования древних пермян, многочисленные божества, духи, идолы, языческие жертвоприношения, кудесники-волхвы и т.п.

Еще в самом начале «Жития» дается общая характеристика пермян, которые *«имя боже не именовася, идеже поклоняются идолам, идеже жрут жертвища, служащие глухым кумиром, идеже молятся издолбленным болванам, идеже веруют в кудесы, и волхования, и чарования, и беснования и в проча прелести диаволския, ижде суть глаголеми иноязычницы неверники»*⁵.

В сочинении Епифания мы встречаем упоминание о распространенном в то время культе многочисленных духов-покровителей: *«А у нас, пермичей, мнози бози, мнози поспешницы, мнози поборницы»*⁶. По мнению Стефана, Пермь была народом, видевшим вокруг себя массу богов-духов в лесах, реках, озерах, которые обеспечивали им удачу в ловле. Правда, он не дает нам конкретных терминов, что несколько снижает информативность его сочинения. У коми существовала определенная иерархия духов — *«большии и меньшии, а инни нарочитии и словутнии, и инни мнози»*⁷. Кроме того, автор пишет, что отдельные «кумиры» почитались отдельными погостами, некоторые — отдельными семьями. Но были и общие божества, к которым приходили молиться и за 4–7 дней пути⁸.

Из отдельных мест «Жития» видно, что пермяне делали из дерева человекообразные изображения своих богов. Они устанавливались в «кумирницах», «мольбищах», перед ними находились «жертвища, требища», подобные алтарю. Стефан опрокидывал их, когда разрушал эти ритуальные сооружения. Этим идолам приносились жертвы: звериные шкуры и металлические предметы. Посредники между людьми и богами названы им

¹ *Игнатов М.Д.* Языческая, православная и большевистская идеологии в истории Коми края // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 1. Пленарные доклады. История. Сыктывкар, 1996. С. 107–116.

² *Красов А.В.* Зыряне и просветитель их, св. Стефан, первый епископ Пермский...; *Попов Е.А.* Святитель Стефан Великопермский. (Жизнь его с литографированным портретом). Пермь, 1885.

³ *Смоленцев Л.* Святитель Стефан Пермский... С. 100–110; *Петренко Н.Н.* Исторический путь православия в Коми крае // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 53–55.

⁴ *Цыпанов Е.А.* Коми язык как государственный... С. 6.

⁵ Житие Стефана Пермского. СПб., 1897. С. 18.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Там же. С. 36.

«кудесниками, обаянниками, одержимыми волшебием», они получают это искусство от своих родителей и передают их своим детям.

Даже в XIX в. многие исследователи отмечали веру коми в различных духов, говорили о развитом у них культе анимизма¹. Поедание «жертвища» перед изображением божества переключается с более поздними коллективными ритуальными поеданиями жертвенного животного (быка, теленка, барана и т.д.). Последнее описано у коми в XVIII в. *И.И. Лепехиным*, а позднее и другими учеными².

Чрезвычайно ярко показан в «Житии» промысловый быт пермян³. И это вполне объяснимо при наличии громадного спроса на пушнину как основной товар, поставляемый жителями Перми как на московский, так и на восточный рынок. Имеются сведения об их жилищах, занятиях, общественном устройстве.

Как произведение, посвященное религиозному деятелю и направленное на восхваление христианской религии, оно естественно направлено на борьбу с язычеством, в которой святой Стефан совершает чудеса.

Текст этого сочинения долгое время являлся одним из главных письменных источников для исследователей традиционной культуры народов коми, и поэтому он так или иначе фигурирует в работах большинства авторов, писавших о коми.

Один из наиболее ценных разделов «Жития» — подробная этногеография Европейского Севера. Здесь впервые описываются границы Перми Вычегодской, что позволяет впоследствии тщательно рассматривать динамику этнического расселения коми. Стефан говорит о реках, протекающих в регионе, районах, с которыми граничит эта племенная территория.

Но в его описании можно отметить несколько неточностей. Во-первых, в них нет

ориентации по странам света, все построено на примыкании различных районов друг к другу. Во-вторых, некоторую путаницу создает в его сочинении наличие просто Перми и Перми Великой, глаголемой Чусовая. Автор не считал нужным более четко провести границу между этими двумя регионами, что позднее способствовало созданию ряда легенд. В-третьих, неясна граница Перми с Лопью и Корелой.

Данные Епифания в дальнейшем широко использовались более поздними летописцами. Так, сокращенный вариант жития помещен в Царском списке Софийской первой летописи под 1396 годом. Близкая версия встречается в Никоновской летописи середины XVI в. Описание Пермской земли имеется в Степенной книге середины XVI в., Хронографе первой редакции, а позднее — в различных «Алфавитах» и «Азбуковниках» XVIII в.

Завершая обзор сведений о народах коми в древнерусской литературе, необходимо остановиться еще на одном письменном памятнике — т.н. Вычегодско-Вымской летописи. Это чрезвычайно интересный и важный для истории становления народа коми документ, содержащий массу уникальных сведений о ранних этапах этнической истории народа коми⁴. Она была начата в конце XVI в. в Усть-Выми (долгое время, с 1383 по 1564 гг., бывшей местом пребывания сначала пермских, а потом некоторое время и вологодских епископов) основателем местной Усть-Вымской Архангельской пустыни Мисаилом. После его смерти летопись продолжал священник Евтихий.

Первые сведения в летописи датируются под 1178 г., но регулярными становятся с 1379 г., с начала проповеди христианства в Пермской земле *Стефана Пермского*. Завершается она записью 1619 г., когда местное летописание было запрещено вологодским архиепископом Макарием. Здесь мы видим

¹ Сорокин П.А. О пережитках анимизма у зырян...; Смирнов И.Н. Пермяки...

² Дневниковые записки путешествия И. Лепехина. Т. III. С. 236–137.

³ Житие Стефана Пермского. СПб., 1897. С. 47.

⁴ Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое в прошлом нашей страны. М., 1967; Вычегодско-Вымская летопись / публ. и коммент. И.Л. Жеребцова // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 23–34.

события, связанные с крещением коми-зырян, включение Пермской земли в состав Великого княжества Московского, события на Русском Севере во время междоусобиц, в частности разорение Севера Дмитрием Шемякой. Очень интересны и подробны сведения об участии коми в освоении Сибири, в частности роль коми в знаменитом походе Семена Курбского и Петра Ушатого на Обь в 1499 г.

Летопись (точнее — копия начала XIX в., сделанная вологодским семинаристом А. Шергиным) была открыта в 1927 г. краеведом и начинающим писателем **П.Г. Дорониным**. Тогда же он скопировал этот текст. К сожалению, сам оригинал был изъят в 1813 г. по приказу вологодского епископа **Евгения (Болховитинова)**, который собирал старые рукописи по местным церквям и монастырям. Поэтому судьба первоначального текста неизвестна, летопись пропала.

Печальна участь и шергинского варианта. Оставленная П.Г. Дорониным в Усть-Выми, она погибла в лихие 1920-е годы. И только через много лет, в 1958 г., она была впервые введена в научный оборот П.Г. Дорониным¹.

1.4. Предки современных коми в западноевропейских источниках

Ряд сведений по этнографии народов коми содержится в сочинениях западноевропейских писателей и путешественников, побывавших в России в XIV–XVII вв.²

¹ Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.

² Общий обзор этих путешествий см.: *Аделунг Ф.П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. СПб., 1864. Т. 1–2; *Кордт В.А.* Библиографические заметки об иностранных путешествиях по России до конца XVII в. Добавление и поправка к труду Ф. Аделунга. Юрьев, 1893; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. 2-е изд. Иркутск, 1941. Ч. I–II.

Эти путешествия были спровоцированы не просто любопытством, а целым рядом обстоятельств. Голос Русского государства, до недавнего времени воспринимавшийся как некая экзотическая данность, со времени правления Ивана III начинает все звонче и увереннее звучать на европейской политической арене. Московия воспринималась по-разному: с интересом, предубеждением, часто с опасением. Но игнорировать ее уже было невозможно.

В рамках Великих географических открытий происходило и открытие западным миром незнакомой Московии. Одновременно закрытие и монополизация Португалией торговли с Индией вынудило Европу искать альтернативные торговые пути между Западом и Востоком, которые были возможны только через Московскую Русь. Западная Европа открывала для себя этническое многообразие этой страны. Именно поэтому она в это время оказалась под пристальным вниманием королей, купцов, ученых, просто авантюристов.

Многие из них оставили записки о своих открытиях на Востоке. Рассматривая процесс взаимного познания России и Запада, В.О. Ключевский отмечал, что «от XV в. мы имеем немногие краткие заметки о нем от иностранцев, случайно попавших в Россию и остававшихся в ней очень недолго. Но скоро разные исторические обстоятельства подали повод к более близким и частным сношениям между Москвой и некоторыми западноевропейскими дворами, и, начиная со времени княжения Василия Иоанновича, идет длинный ряд более или менее подробных описаний Московского государства»³.

Чем больше русские власти старались скрыть информацию о путях в Сибирь, за Урал и далее, тем настойчивее иностранцы стремились узнать об этом. В связи с поиском северо-восточного (северного) морского пути в этих сочинениях появляются сведения о Европейском Северо-Востоке, населенном наро-

³ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве... С. 10–11.